

В глазах Янь Лян мелькнуло что-то неуловимое, а затем нахлынули обида и страх.

— Я... — её тёмные, как спелый виноград, глаза подёрнулись лёгкой дымкой. Она слегка прикусила нижнюю губу, голос задрожал, а пальцы вцепились в край простыни. — Сестричка... я не могу встать...

И тут она получила желаемое: Му Цинмянь бережно приподняла её и устроила у себя на руках, позволив опереться головой о своё плечо, а затем принялась кормить её с ложечки, предварительно подув на лекарство, чтобы остудить.

Му Цинмянь не привыкла к излишне тесным контактам с людьми — разве что во время лечения, когда это было необходимо.

Кормление Янь Лян, конечно, можно было отнести к «необходимому», но её тело всё равно слегка застыло.

...Потому что Янь Лян прильнула к ней с такой... безоглядной, безоговорочной доверчивостью.

Му Цинмянь повидала немало детей-беженцев и многих из них лечила, но все они, хлебнувшие жестокости и лишений, не могли быть столь же простодушными, как их сверстники в мирные времена. К незнакомцам, увиденным впервые, они неизменно относились с подозрением и опаской.

К тому же Му Цинмянь отдавала себе отчёт, что её внешность не отличалась особой приветливостью. Напротив, отстранённое и холодное выражение лица делало её похожей на человека, который держит всех на расстоянии.

Так почему же... эта девочка так к ней привязалась и так ей доверяла?

Му Цинмянь взглянула на неё. Янь Лян, маленькая и хрупкая, сидела у неё на коленях, не жалуясь ни на горечь, ни на боль. Она покорно открывала рот каждый раз, когда к её губам подносили ложку, — тихая и послушная.

Внутренние травмы Янь Лян были крайне тяжёлыми, и лекарство, которое приготовила Му Цинмянь, было сильнодействующим. Даже запах от него был невероятно горьким, но Янь Лян пила его, не морщась...

Му Цинмянь снова взглянула на неё.

Заметив, что сестричка смотрит на неё дважды за такой короткий промежуток, Янь Лян слегка запрокинула голову и устремила на неё свой ясный, прозрачный взгляд, в котором без труда читалась бездонная привязанность.

Му Цинмянь...

Раньше она не обращала внимания, но теперь заметила: глаза у этой девочки были невероятно красивы.

Она перевела взгляд на пиалу с лекарством. Янь Лян уже допила, и Му Цинмянь, немного помедлив, отпустила её, взяла посуду и направилась в кухонный уголок.

Янь Лян снова устроилась на кровати, глядя вслед Му Цинмянь, и не смогла сдержать детски-радостной улыбки.

Её сестричка Мянь и правда была премилой, когда смущалась.

Янь Лян хорошо знала, что Му Цинмянь была человеком холодным снаружи, но горячим внутри, да к тому же ещё и скромным до застенчивости. И касалось это не только её одной — Му Цинмянь всегда терялась, когда люди выражали ей искреннюю благодарность и доверие.

В прошлой жизни, когда Му Цинмянь забрала её из дворца, Янь Лян пребывала в состоянии постоянной тревоги. Именно Му Цинмянь с терпением и нежностью дала ей первые в жизни тепло и заботу, по крупицам вытаскивая из многолетней тьмы и отчаяния.

В те дни характер Янь Лян был ещё очень простодушным, похожим на характер Драгоценной наложницы Чжу. Поняв, что эта старшая сестра добра к ней, она тут же привязалась к Му Цинмянь, как зверёк, нашедший наконец свой дом.

Му Цинмянь поначалу не привыкла к такой близости и старалась по возможности избегать её, чтобы та не прижималась слишком часто. Однако это заставило чувствительную Янь Лян подумать, что сестричка её разлюбила, и она долго плакала в одиночестве, устроив в итоге забавную, если оглядываться назад, сцену.

Позже, когда всё выяснилось, обычно молчаливая Му Цинмянь с неловкостью несколько раз лично заверила её, что не разлюбила, и даже старалась сама проявлять больше внимания, чтобы успокоить девочку.

В этой жизни, конечно, не было нужды повторять те прошлые недоразумения, но Янь Лян намеренно вела себя так же.

Если бы она не встретила сестрицу Мянь после выхода из дворца, это было бы одно дело. Но она только-только отстала от своих спутников — и вот она, встреча. Разве это не доказательство их связи?

Поэтому Янь Лян не собиралась упускать эту возможность. Она хотела, чтобы сестрица Мянь быстрее привыкла к ней, как в прошлой жизни, когда она стала первой и единственной, кто мог стоять рядом с ней в самой близкой позиции.

Му Цинмянь была искусна в медицине и обладала внимательным, заботливым характером. Прошло всего два-три дня, а раны на плече Янь Лян уже заметно зажили, и душевные силы её полностью восстановились.

Все эти дни Янь Лян продолжала изображать слабость, получая дополнительную заботу и внимание. Когда же она сочла, что пора, и смогла свободно передвигаться, то тут же без лишних слов принялась за стирку и готовку.

Му Цинмянь каждый день уходила в горы за травами: готовила для Янь Лян завтрак и уходила, возвращалась к полудню, чтобы приготовить обед, а затем снова уходила до вечера. Она заметила, что подобранная ею девочка была очень послушной. Стоило попросить её перед уходом вскипятить воды, и Янь Лян спокойно оставалась в хижине, заботясь о себе.

Но Му Цинмянь не ожидала, что сегодня, вернувшись до заката, она увидит дымок, поднимающийся из трубы хижины.

Войдя внутрь, она застала маленькую фигурку, хлопчущую у очага. Услышав, что Му Цинмянь вернулась, девочка обернулась и, сияя улыбкой, воскликнула:

— Сестрица Мянью, Лянр уже почти приготовила ужин!

Му Цинмянь...

Она едва узнала ту девочку, которую подобрала.

Янь Лян изменилась до неузнаваемости. С самого начала Му Цинмянь видела её запылённой и немного неряшливой, пусть и в чистой, но неопрятной одежде. Теперь же Янь Лян явно привела себя в порядок: растрёпанные волосы были аккуратно причёсаны, открывая прекрасные, яркие черты лица, а платье было починено и подогнано, отчего она выглядела совершенно иначе.

Му Цинмянь поняла, почему девочка раньше намеренно выглядела так неопрятно.

Ведь лицо Янь Лян... не будь оно скрыто, могло навлечь бесконечные проблемы.

Янь Лян уже спрашивала, как зовут Му Цинмянь, и сказала, что её называют Лянр. Что касается полного имени... Янь было императорской фамилией, и пока что раскрывать его Му Цинмянь не стоило.

Янь Лян потушила огонь в очаге, разложила еду по мискам и расставила их на маленьком деревянном столе. Му Цинмянь наблюдала за её движениями и, убедившись, что девочка действительно в порядке, наконец расслабилась.

Восстановление этой девочки и впрямь было поразительным.

Когда весь ужин был на столе, Му Цинмянь разглядела: Янь Лян приготовила суп из карася с дикими травами на двоих, напекла лепёшек с луком и яйцом, протушила мисочку редьки и поджарила картофель с зелёным перцем.

Му Цинмянь посмотрела на Янь Лян:

— Ты ходила в город за продуктами?

В хижине не водилось такого обилия припасов. Единственным способом раздобыть их была поездка в Городок Абрикосового Цвета.

Янь Лян покорно кивнула:

— Угу!

Му Цинмянь не удивилась. Эта девочка, скитаясь в одиночестве, вполне могла иметь при себе немного денег. Янь Лян всегда была рассудительной, и, вероятно, теперь, когда ей стало лучше, она решила приготовить что-нибудь вкусненькое, чтобы Му Цинмянь не пришлось утруждаться готовкой после возвращения с поисков трав.

Янь Лян расставила палочки и миски и уселась напротив, сияющими глазами наблюдая, как Му Цинмянь приступает к трапезе.

Му Цинмянь поняла намёк. Девочка всегда была немногословной, да и сама Му Цинмянь не любила пустых разговоров, так что такое общение её вполне устраивало. Она села, взяла палочки и попробовала. Вкус был не изысканным, но определённо хорошим, и...

Му Цинмянь замедлила движение.

Вкус еды... был подобран идеально под её собственные предпочтения.

<http://bllate.org/book/16273/1464983>